

«Очень взрывчатый»

Цех «Малой плёнки» — вся Переславльская фабрика в миниатюре — лаборатория, где изучаются все процессы, где регистрируются все ошибки, чтобы они не повторились уже в основных цехах «Большой плёнки».

Важнейший этот цех, как и многие другие, создан руками самих его работников. Руководит им 21-летний инженер-ударник т. Белый.

Один из водопроводчиков определил его так: «...бывают рабочие очень взрывчатые». Товарищи называют его «<горячий украинец».

Был такой случай. В цеху «Малой плёнки» не доставало фильтра и помпы и, по сообщениям центра, негде было их достать. Коммунары пронюхали, что есть они в институте имени Карпова и отдыхают там без применения. Стали обсуждать, кого из бойцов послать сражаться за фильтр и помпу. Надо было действовать сначала убеждением, а если не удастся — шумом, вынесением этого вопроса на собрание ячейки или на общее собрание сотрудников института.

Кто как не зав. цехом Белый будет стоять за фильтр и помпу горой? Кому как не т. Белому поручить их отвоёвывать?

И единогласно постановили: не посылать т. Белого, потому что больно горяч и наворочает, разнесёт Теплотехнический институт.

Но ничего взрывчатого и горючего вы не обнаружите, увидев флегматичного, ровного человека в вышитой рубашке и помятых сапогах.

Решает идти пообедать, но кажется, что собирается взять свою кожаную куртку, расстелить её в тени под лестницей, где ещё не растоптана, хотя и забрызгана известью, трава, и захрапеть. Так оно и должно было бы быть. Краснота его век подтверждает, что он со вчерашнего дня не спал. Всю ночь ставил заплатки в цеху. Большие и горячие его руки отяжелели так же, как и веки.

Аптечные весы, банка коллодия, белые халаты — обстановка больницы, где рождается младенец — советская плёнка. Инкубатор не существовавшего до сих пор вещества.

Лишняя минута недогрева, лишняя доля сырья могут испортить работу многих часов.

«Живая, тонкая штучка», — как определил её один из ударников. Эту тонкую штучку в основном выполняет бывший рабочий, сейчас инженер Белый, ударник, на днях вступивший в партию, сын шахтёра с Донбасса, приехавший в Москву из Артёмовска обучаться химии. Он окончил Шостенский химический институт и в апреле 1931 г. был переброшен в Переславль.

Белый упрям и дотошен, методичен и последователен. Рецепт — тонкую и неизвестную штучку можно одолеть только знанием и терпением. Терпения у Белого было много, знания — меньше. Теперь есть и знание, и терпение.

Советский коллодий получен, и хорошего качества. Белый разлил пробу по баночкам и подарил их товарищам, как дарят цветы.

«Малая плёнка» — это каталог всех процессов — фабричный универсаль. Белый разохотился и рассказывает историю цеха. И непрерывно свёртывает с истории на настоящее. В трюмном цеху при вредных испарениях эфира нет вентиляции. Задерживают оборудование.

— Вот видите, — и Белый сокрушённо трогает пальцем висящую сверху проволоку, словно собирается поиграть на струне, — нет материалов, проводка не закончена — того и гляди шею перережет. И ещё, — понижает он голос и ведёт вниз, в темноту эмульсионно-варочных и насосных комнат, — наша болезнь, — почти шёпотом продолжает он, чтобы не обидеть ударников, — дело требует чистоты и законченного внимания, а народ попадает на непривычный,

есть текучесть, трудно обучить, как надо проводить полив. Сначала работают, вроде как щи варят, всякая дрянь попадёт, считают — ничего, жирнее будет.

На желатине не может быть ни одной лишней точки. С непривычки чаем капнут — вся работа зря пропала. А поддержание ровной температуры? Разве скоро выколупнешь старые привычки?

Ударники рассказывают, что Белый — один из лучших активистов по подготовке кадров. Обучил десять троммельщиков.

— Долбил-долбил, прижимал наши глаза своим взглядом, ну в конце мы и поняли; видишь — руки!

Руки действительно чистые и умелые. При входе в цех рабочие долго и тщательно вытирают ноги, отбивают пыль. Кашляют в сторону, а не так, как раньше, в машину. На пол не плюют — совсем как в диспансере.

По их словам, Белый — «старший товарищ. За дело бьётся. Человек хочет во что бы то ни стало плёнку получить».

Когда приехали коммунары, не было даже и проекта «Малой плёнки». Было «ничего подобного». Пять дней работала фабрика, на шестой гуляла. Когда подбили на соревнование водопроводчиков, а затем и других — ввели непрерывку. За один месяц сделали установку цеха. И как ни старались снабженческие организации сбить соревнование задержкой оборудования, не удалось затянуть «Малой плёнке» глотку.

Отказались от привозного коллодия. Сами сделали малоксер. Перебросили один большой троммель на «Малую плёнку». Поставили доклад о монтаже. Обменялись опытом цехов. Раздраконили план. Каждой бригаде давали своё оперативное задание.

Решили сразу поливать. Жара 37 градусов. Вентиляции нет, дышать трудно.

Неполадки обсуждали всей коммуной, помогали друг другу.

Ввели «систему именинников». Цех «Малой плёнки» тоже недавно был именинником. Это значит, что другие цеха всё для него делают без очереди.

Белый всю именинную неделю мало спал, мало ел, похудел и осунулся. Дожимал свою именинность до отказа.

— Ну, думаем, — шутили коммунары за простоквашей, — прямо Пётр Великий: истуканом стоит и спать не ложится, зверем ходит, охрип, глаза на лоб вылезли. Налить ему ещё корчажку из-под Мечникова.

Белый внимательно съел корчажку. Белый улыбался. Где же зверь? Где же «взрывчатый», буйный и ужасный, даже для Теплотехнического института? Что за сказки? Тихий человек ест простоквашу.

Эта сторона Белого стала понятна у нежнейшей машины «Пуансон», когда электричество подморгнуло, помутнело и погасло.

Белый возмущённо прыгнул в сторону и сорвал с головы мятую фуражку, как будто собрался ею ударить об пол и сплясать отчаянного гопака. Он побежал по цехам, поднял тревогу, потащил лестницу, кричал и возмущался оплошностью, могущей уничтожить результаты работы.

Голос его погустел, глаза налились кровью. Виновника — растяпу и алкоголика — осыпал Белый градом насмешек: «Из-за тебя простой — вор ты и не товарищ». И много другого, сказанного в злобе с хрипом и возмущением.

Когда загорелся свет и пульс цеха забился ровнее, Белый сконфузился и сказал: «Да как же, один такой кочевник — и всё наше дело губит», — и продолжал рассказывать, только с более длинными паузами.

«Когда наладится „Большая плёнка“ и „Малая“, как опытная база, должна будет умереть, мы переведём её на производство специальных сортов плёнки. Будем вырабатывать панплёнку».

Помолчал и выругался: «Вот сволочь!»

При прощании он отказался дать нам свою фотографию. «Снимемся группой и вам пришлём».

Карточки он не прислал.

Забыл.

Да и мог ли он помнить о карточках,

Да и мог ли он помнить о карточках, когда надо заканчивать борьбу за сложные новые процессы с таинственными прежде химикалиями, грозящими неожиданными соединениями,

которые становятся теперь послушными, как дрессированные звери, но время от времени возмущаются и становятся по-прежнему дикими и непокорными.

Сейчас, когда руками коммунаров разрывается цепь экономической зависимости от капиталистических стран.

Сейчас, когда фабрика начинает работать на промфинплане.